

СЕРГЕЙ БОГАЧЕВ

**АЛЯСКА – КРЫМ:
СДЕЛКА ВЕКА**

Москва
издательство
РОДИНА
2019

УДК 82-84
ББК 84.3
Б 73

Богачев С.В.

Б 73 Аляска – Крым: сделка века / С.В. Богачев. –
М.: Родина, 2019. – 304.

ISBN 978-5-907149-65-6

После поражения в Крымской войне Россия встала перед необходимостью строительства железных дорог, возрождения военного флота на Черном море... Продажа Аляски, запуск металлургического завода «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства» должны были ускорить восстановление страны.

Однако не все державы могут смириться с такой перспективой, которая гарантирует процветание России. На строительстве железных дорог в Ростов и Севастополь, при первой плавке под руководством Джона Хьюза начинают происходить странные дела. Расследовать череду непонятных событий поручено адъютанту Великого князя Константина Николаевича Романова капитану второго ранга Лузгину.

**УДК 82-84
ББК 84.3**

© Богачев С., 2019

© Андрей Недал, художник, 2019

ISBN 978-5-907149-65-6

© ООО «Издательство Родина»,
2019



АЛЯСКА – КРЫМ: СДЕЛКА ВЕКА

Глава I



**Николай I
Император
Всероссийский**

ГЛАВА I

*18 февраля 1855 г. Зимний дворец.
Санкт-Петербург.*

Казалось, даже придворные и высокопоставленные чиновники в этот день передвигались по просторным залам и коридорам дворца подобно теням — беззвучно, без малейшего шороха, а что уж там говорить о лакеях — у тех это умение в крови.

Дворецкие и камердинеры безмолвно, с озабоченным видом сновали теми же коридорами, выполняя поручения, известные только им самим и тем, кто их дал.

Дневной свет, яркость которого усиливалась выпавшим за ночь снегом, подчёркивал изысканность внутренней отделки императорского дворца, проникая сквозь громадные окна в каждый угол и вместе с тем беспощадно отражал мертвенную бледность на лицах ограниченного круга присутствующих, собравшихся в небольшой угловой комнате первого этажа Зимнего дворца, ставшей центром сегодняшних событий.

Царское семейство, лейб-медик Мандт с коллегами и граф Павел Дмитриевич Киселёв с самого утра, иногда ненадолго удаляясь в коридор, чтобы позволить себе в одиночестве дать выход своей скорби, не оставляли надежд на благой исход скоротечной болезни Государя Николая Павловича¹, однако, даже неискушенному в медицинских знаниях человеку уже было понятно, что это скорее упование на чудо.

Уже будучи больным гриппом, Император считал нужным лично проводить своих солдат на театр боевых

¹ Николай I.

действий в Крыму. В лютый мороз лейб-гвардии Преображенский, Измайловский и Егерский полки в Экзерциргаузе² имели честь наблюдать своего главнокомандующего в парадном мундире и без шинели. Газа его горели, речи соответствовали моменту — лучшие воины России отбывали на фронт для спасения Севастополя.

— Государь, это хуже, чем смерть. Это самоубийство! — лейб-медик Мандт пытался воззвать царя к благоразумию, но и без того раздраженный вестями с фронта, монарх лишь отмахнулся от доктора, как от назойливой мухи. Сейчас от него, от Императора, зависит боевой дух русских полков, отправлявшихся на главную баталию его жизни, а немец всё бежит вокруг, да страшит болезнью.

Полки ушли и Государь слёг окончательно. Управление государственными делами было возложено на Наследника. Ему же адресовались военные сводки и штабные донесения. С того дня ожидание личного доклада придворных медиков о состоянии Самодержца стало ежедневной тревогой всех членов его семьи — в бюллетенях правды не писали, дабы не вводить подданных в сумятицу.

Появление на первом этаже дворца перед царскими покоями митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Никона вызвало сдержанный шепот придворных, окончательно удостоверившихся в том, что их худшие опасения сбываются. Владыка прибыл для причащения Императора.

Металлическая койка, на которой монарх, накрытый шинелью, доживал свои последние часы, стояла между креслом и камином, под портретом покойной его дочери Александры. Интерьер этого помещения целиком соответствовал аскетичному характеру хозяина — никакой роскоши и любимые истоптанные туфли возле кресла.

² Михайловский манеж.

— Сын мой, дай руку... — Государь пришел в себя после очередного приступа удушья, причинявшего ему тяжёлые страдания.

С десяти часов утра он уже не мог разговаривать и впал в беспамятство, посему слова эти стали неожиданностью — Самодержец произнёс их, не открывая глаз.

Великий князь Александр Николаевич, пройдя сквозь расступившихся своих родственников — членов семьи Романовых, преклонил колено перед солдатской койкой и взял отцовскую руку в свою. Будущий правитель Российской империи ощутил в своих ладонях холод — могучий некогда организм его отца, угнетаемый инфекцией и трагическими событиями Крымской войны, уже не имел сил сопротивляться.

— Я здесь... — почти шепотом произнёс Великий князь, но больной его услышал.

— Прошу тебя... Не в лучшем виде оставляю тебе своё наследие... Ты сможешь... Ты должен... Держи крепко...

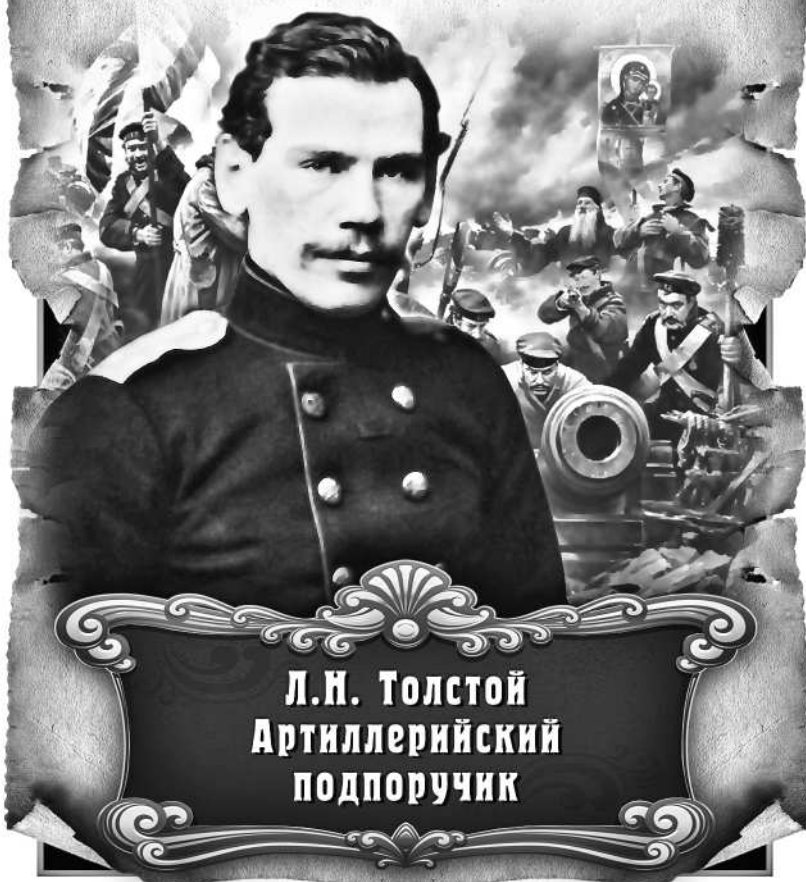
Глаза Государя так и не открылись — каждое слово он произносил через силу, сопротивляясь горячке и с трудом находя в пораженных воспалением лёгких воздух. Следующие слова его были уже неразличимы из-за хрипа.

— Владыка, пришло время... — императрица Александра Фёдоровна, урождённая принцесса Гогенцоллерн, полная прусского достоинства и русской воли, подавила в себе слёзы, выровняла спину, как подобает супруге Императора и жестом пригласила митрополита пройти к койке умирающего мужа...



АЛЯСКА – КРЫМ: СДЕЛКА ВЕКА

Глава II



**Л.Н. Толстой
Артиллерийский
подпоручик**

ГЛАВА II

27 августа 1855 г. Севастополь.

— Бомба! — крик часового заставил пригнуться всех на батарее — и офицеров, и обслугу орудий.

Последние сутки артиллеристы отбивали эти поклоны несколько раз в минуту — бомбардировка сил союзников не прекращалась уже много часов. На южной стороне над оборонительной линией русских войск в воздухе рвались заряды, оставляя после себя серые облака дыма в небе и стонущих, искалеченных и израненных защитников Севастополя на земле.

— Вашблагородь, ты как? — канонир Сухомлин с брига «Язон» сбил с кителя артиллерийского подпоручика Толстого землю, обильно просыпавшуюся из разбитого осколками тура³.

— Нормально, Иван Семёныч! Сам-то пригнись! — подпоручик собрал на своей батарее всех уцелевших, чтобы оставшиеся целыми три из пяти орудий могли огрызаться в сторону англо-французских войск. — Заряжай! — громко скомандовал двадцатисемилетний артиллерист.

— Есть! — по очереди доложили расчёты.

Сегодня было не до церемоний: моряки, считавшие всегда себя отдельной кастой и свысока иногда глядевшие в сторону пехотных мундиров, показывали образцовую сноровку и чудеса храбрости наравне со своими сухопутными братьями. Можно было подумать, что остервенение, с которым они дрались, стало местью за то, что сами они спешили, а корабли их затопленные

³ Плетеная корзина, наполненная землёй.